

Револьт И.Пименов (ст.)

ВПЕЧАТЛЕНИЕ ОТ КНИГИ В.Д.ДУДИНЦЕВА

Долг мужчины — видеть зло, бороться со злом и уметь его побеждать, — учит нас уже тридцать лет один советский писатель. Писатель этот своеобразен, он отличается от тех тоже писателей, которые, вздыхая, что "времени не выбирают", играют со временем в поддавки. Тем паче от тех, которые даже и не вздыхают. Он умеет дать образ положительного героя — камень преткновения для художественной литературы и притче во языках для литературной критики. И хотя он подробнейше описывает производственную деятельность своих положительных героев, скуки не возникает, и романы его не превращаются в "производственные романы". И оба раза, когда писатель этот поднимался на свои вершины, критика, вынужденная натиском общественного мнения его хвалить, захваливала его романы так, чтобы вынуть из них то самое жало, которое побуждает читателя: иди и борись.. Первый раз было это осенью 1956 года с "Не хлебом единим", второй — с "Белыми одеждами".

Роман "об изобретателях", роман "о биологах". И на обсуждение "Не хлебом единим" 10 ноября 1956 в аудиторию филфака ЛГУ потянулись десятки изобретателей, и "Белые одежды" перечисляются в ряду "Зубра" и "Оправдан будет каждый час". Но нет, они — не "производственные романы"! "Белые одежды" — это первый роман о сопротивлении.

Ученый способный и честный, недавний фронтовик посыпается с в общем-то обычной тогда инспекцией в один из научных центров. Хотя у этого ученого и накопились определенные несогласия с командирующим его Академиком, несогласия эти не пересли меру естественного, повседневного в мире науки. Да и не очень-то пристойно кандидату наук тыкать в лицо академика "своим мнением": у академиков во все времена положено учиться. В таком настроении прибывает он в городок, и сразу же завязывается первый узелок в нравственной линии романа: нечаянно он слышит, что его уже прозвали "Торквемадой" и ждут от него, что он уставит инквизиционными кострами "во славу веры святой" этот

самый городок. Царапает это его, но не открывает глаз. Да и кто же из людей, знающих, что "я хороший", после первого слова "ты гад" поверит, будто "я и впрямь гад"?! Всякий про себя знает: я, мол, строг, но справедлив. Правда, наш "Торквемада" – интеллектуально честный человек, т.е. в первую очередь думает о своей собственной возможной неправоте, а не о неправоте другого – оппонента или противника. В этом смысле главным персонажем избран в высшей степени нетипичный герой: со времен Ильфа и Петрова, успешно высмеявших интеллектуальную честность карикатурным образом Васисуалия Лоханкина, над такими "интеллигентскими сомнениями" принято было в советской литературе только смеяться, хохотать, глумиться. Но у нашего героя возникает беспокойство.

Он невольно сопоставляет разные факты, которые при отсутствии беспокойства и не подумал бы сопоставить. От этого ощущение подтасованности, сознание своей марионеточной роли, переживание чего-то фальшивого, чувство, что своими вполне честными поступками губишь хороших людей, – растут. Вот он инспектирует работы ученых, придерживающихся великих принципов правильного научного направления, того самого направления, которое и само громко заявляло, что взросло оно на фундаменте положений диалектического материализма, и о котором газета "Правда" в августе 1948 специально писала: да, мол, следует мировоззрению и гениальным указаниям основополагающей ДУ главы "Краткого курса истории ВКП(б)!"^{x)} Инспектирует и работы лжеученых, подлежащих предстоящим оргвыводам. И видит, что первые – алемен-

^{X)} О сколь значительно произнес с трибуны сессии Лысенко: "Товарищи! Прежде, чем перейти к заключительному слову, считаю своим долгом заявить следующее. Меня в одной из записок спрашивают, каково отношение ЦК Партии к моему докладу. Я отвечаю: ЦК Партии рассмотрел мой доклад и одобрил его. (Бурины аплодисменты, переходящие в овацию. Все встают.)" О политической подоплеке и репрессивных партийно-государственных акциях, связанных с этим "научным событием", см. великолепную статью В.Я.Александрова "Трудные годы советской биологии" в №10 "Знание-сила" за 1987 год. Замечу лишь, что ни в одном сборнике партийных документов НЕТ постановления ЦК по этому вопросу. Так что историографам рано ставить точку.

тарно неграмотны. Что у вторых - налицо очень важные и интересные результаты. Нет, почти результаты. Но еще сезон-другой физиологически потребен, дабы эти промежуточные результаты смогли стать бесспорными научными фактами. Его интеллектуальная совестливость побуждает его к неожиданному для присутствующих (и для командированного его Академика) поступку: он чехвостит первых, пробует по мере сил помочь вторым.. Сам по себе честный человек оказывается "не по ту сторону баррикад".

И уж совсем ноет разбудораженная его душа, когда случается событие, где его, вроде бы, никак не задевают, но в каком-то душа его уязвлена стала. Проходит бурное собрание всего коллектива, на котором и студенты, и преподаватели бесстрашно и правильно разоблачают, изобличают и уличают неразоружившихся сторонников бесспорно антинаучных взглядов, причем таких взглядов, которые использовались нашими классовыми врагами в лице ЦРУ для идеологической диверсии против Страны Советов. Ведь шла непримиримая борьба идей. Эти, с позволения сказать "ученые", в годы послевоенной разрухи, голода и напряженных планов восстановления и строительства, расходовали народные деньги на каких-то бабочек или мушек, или тараканов, что ли. Естественно, что даже первокурсники понимали, насколько чужды народу и народной науке были сии личности; даже первокурсники со всем пылом трифоновских студентов требовали неземедельского изгнания чуждых элементов из стройных рядов. Всё правильно. Всё бесспорно. Но почему-то душа неуютно. И вздрагивает "Торквемада", стоянувшись с канцелярской накладкой, когда бумажка с грифом "ДСН" попадает не тому, кому адресована. Назавтра, после вполне искреннего и свободного обсуждения-осуждения, ему попадает в руки приказ министра, предписавший уже несколько недель назад именно этих осужденных вчерашним коллективом преподавателей - уволить. ПОДТАСОВАННОСТЬ. Та подтасованность, которая чужда душе и настоящего ученого и фронтовика. Нет теперь покоя душе его. И в этом обостренном вооприятии он в состоянии уловить, заметить многое, мимо чего прежде прошел бы в спокойной уверенности.

Вот он наблюдает, как его Академик демонстрирует бесспорное доказательство верности своей теории: скачок - тот самый

диалектический скачок – совершает природа, и на березовой ветке вырастает побег ольхи – вопреки метафизическим домыслам лицеевщиков о якобы неподвижной и неизменной зародышевой плазме, плазме-миазме генов, согласно коим из березы может вырасти только береза, из ольхи – только ольха, – всё в мире взаимо связано и взаимообусловлено, нет ничего неизменного и абсолютного... Вот она – ольха на березе! Восторженные глаза студентки пожирают и ольху-березу, и Академика, а уста её тут же выпаливают сведения о "Торквемаде" – доценте Дежкине, которые в глазах Академика уличают Дежкина в двоедушии. Нет, он выкручивается перед Академиком, не это главное. Главное в том, что он почти сразу же узнает, что факт такого грибкового заболевания березы с перерождением ее во внешнее подобие ольхи (при сохранении всей внутренней структуры березы) – давно и хорошо известный в ботанике факт. И постигает, что Академик, настроенно-препятствовавший взять образец на лабораторный анализ, УМЫШЛЕННО ПОДТАСОВЫВАЕТ. Подтасовывает не только административные меры (на дворе же стояли железные времена, когда никакие административные меры не казались неуместными, ежели речь заходила об Истине и Цели). Хуже. Он подтасовывает самоё Истину.

Вот Дежкин наблюдает размножение пресловутых мушек и потрясается неизменности наследственного правила. Это то самое изумление, которое произпало Ньютона: "Чудо в том, что чудес не бывает. Чудо в том, что планеты обращаются по строгим формулам математических уравнений, а не как попало." И Торквемада, выросший в идеологии, согласно которой ВСЁ ВОЗМОЖНО, всё может превратиться во всё, всё неопределенно и постепенно переходит во всё, – вдруг постигает, что имеется простая математическая формула, её же не прейдешни. И всегда окраска крыльшечек будет наследоваться с соблюдением ЭТОЙ формулы, как планеты ВСЕГДА будут обращаться по эллипсам. И ежели раньше он защищал-покрывал гонимых вейсманистов, прежде всего по соображениям прагматическим (дать им время вырастить картошку, нужную народному хозяйству) или нравственным (неприлично и бессовестно так поступать), то теперь он и мировоззренчески переходит на их позиции.

Вот он вскрывает, что Академик водил им как марионеткой,

зная заранее то, что поручил расследовать ему (кто замаскировался под кличкой "Троллейбус"). И легко догадывается, для ради какой неблаговидной цели так морочил ему Академик голову. Тут Академик превращается для него уже в личного, омерзительного врага.

Так, шаг за шагом (я отметил не все шаги и мотивы) формируется у Дэлкина (Торквемады) представление о том, что есть Добро и Правда – здесь и теперь. Добро же и Правда имеют тень-одну и ту же, по имени Зло. Зло – это не совокупность злых людей, люди Зла могут быть и никакими, и даже добрыми (к своим подчиненным, к соучастникам по мафии, к кошкам, к детям). Зло в лице Академика – это ещё пол-Зла, четверть Зла. Конечно, знали и то, что реальный прототип Академика уже в 1939 появлялся на сессиях Верховного Совета вместе с членами политбюро, и ему доставалась часть оваций в честь родного и любимого товарища Сталина. Но кабы дело ограничивалось аплодисментами! Да я готов и сегодня аплодировать кому угодно и сколько угодно долго, лишь бы у этого Зла не было тех рук.

Нет, и миллионной доли своих злодеяний не совершил бы Академик, если бы не Зло в чистом виде. То Зло, которое в СИСТЕМЕ МНЕНИЙ, в отдельном МНЕНИИ-СУЖДЕНИИ усматривало повод для следственного и судебного (а порой и бессудного) преследования. И коль скоро Высшим Инстанциям было затверждено, что система мнений противников Академика лженаучна, антинаучна, вредна для науки и народного хозяйства, что она льет воду на мельницу происков диверсионных центров, только и мечтающих подсыпать во все колоды толченое стекло и поработить, покорить, растлить, исковеркать! Ах, читатель говорит, что фраза оборвана, неокончена? А как окончить этот бред, увы, неклинический? Так и жизни обрывались, бестолковее этой фразы. Но смысл и неоконченных фраз бывает прост и ясен. Генерал-майор МГБ Ассикритов лично занимался делом об идеологической диверсии. Не от безделя же, конечно, нет! Кто же вообразит, будто в 1949 следователи этого рода войск не были перегружены делами! Нет, именно важность, ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВАЖНОСТЬ борьбы со мнениями вынудила этого, скорее сибарита, коллекционера и гурмана, уже более четверти века служащего в органах, самолично просматривать

скучный кинофильм о митозисе (делении клетки на две – тоска, от которой все муhi сдохнут). Напрасно только автор делает вид, будто это козни Академика подтолкнули генерал-майора. Нет, скорее всего, генерал посмотрел шумевшую тогда пьесу "Чужая тень" (Сталинская премия II степени от 8 марта 1950 г.), где лицедействовалось, как вейсманист-морганист Жебрак становился по сути шпионом. Такая подсказка от одного генерала к другому, одобренная генераллиссимусом, не могла не подвигнуть. Так Торквемада истинный встречается с несостоявшимся Торквемадой – Дёжкиным.

Дёжкин сразу узнает Зло в лицо. И будучи смелым мужчиной, смотревшим в лицо смерти, он возлагает на себя как само собой разумеющуюся обязанность – бороться со Злом. Со Злом персонифицированным и воплотившимся. Это Зло арестовывает людей – ученых, его любимую женщину, позже поэта. Он, Дёжкин, мужчина, не поддается времени, в котором это Зло всесильно (всесильно в сфере событийной), а прячет скрывшегося от ареста прежнего своего научного противника, правота которого теперь для Дёжкина ясна. ^{X)} Морочит агентов Зла. Насмешливо бросает Злу перчатку своим издевательски-корректным экспертным заключением относительно одного из материалов дела. Но и по-фронтовому прикрывшись в этом акте экспертизы надежным бруствером из администрации института. Словом, этот фронтовик проявляет всю изобре-

^{X)} Это Стригалев, ученый-святой-мученик ("Место смерти-РСФСР", – как писалось в справках о посмертной реабилитации). Это к нему относятся "белые одежды": "IO. И возопили они громким голосом, говоря: доколе, Владыка Святый и истинный, не судишь и не мстишь живущим на земле за кровь нашу? II. И дани были каждому из них одежды белые, и сказано им, чтобы они успокоились еще на малое время, пока и сотрудники их и братья их, которые будут убиты, как и они, дополнят число." (Откровение апостола Иоанна, гл. VI). Но это – особая тема, на которую Дудинцев лишь намекает, но не раскрывает. Равно как и тема: МОГЛО ли советское сельское хозяйство ВОСПОЛЬЗОВАТЬСЯ великолепным картофельным сортом Стригала-Дёжкина.

тательность и дерзость лагерника, те же бесстрашие и свободу духа перед лицом неотвратимо присутствующих смерти и небытия.

Побеждает ли Дежкин в этом единоборстве со Злом? Или же его сопротивление бесцельно и тщетно? Да, побеждает. Обводит и Академика, не давая шарлатану присвоить плод настоящей науки генетики и сохраняя сам плод. Он переигрывает Ассикритова, и ишаки того не умеют найти Дёжкина до самых 1953–56 годов, когда ситуация изменилась. Он доживает до полного падения Академика и его присных. Дёжкин побеждает и в том историческом смысле, что сама возможность публикации романа с таким героем, сама возможность безусловно отрицательно-враждебного отношения читателей к Ассикритову и Академику с их сворами, – это победа, и выжившего Дежкина и павшего Стригальева. Побеждает ли герой триумфально, на белом коне въезжая в новую жизнь? Нет, таких побед ни в жизни, ни в романах Лудинцева не бывает. И Дежкин, и Лопаткин (из "Не хлебом единым") побеждают, как на войне – посреди развалин. Единственное отличие от военной победы, что никто не награждает их медалью "За гражданское мужество".

Я написал "единоборство" и задумался. Верно ли слово? Ведь в романе фигурируют и те, кто ПОМОГАЕТ Дежкину: то старый друг приходит и знакомит Дежкина с перечнем скользких вопросов, которые составлены в МГБ и должны быть заданы Дежкину "невзначай"; то девушка-студентка, влюбившись в Дежкина, готова ВСЕМ помочь ему; то другой академик, Полосков, содействует; то даже полковник МГБ, принадлежащий не той группировке, что генерал, выдает Дежкину дату намеченного ареста (позже, полковника, естественно, расстреляли). Но нет, невзирая на наличие помощников-союзников, Дежкин – ОДИНОКИЙ БОЕЦ. Нет взаимодействия среди тех, кто на стороне Истины, среди врагов Зла. Сопротивление – дезорганизовано. Хуже – никогда и не было организованным.

Беспрядонные действия Академика по выкорчевыванию научной Истины, опиравшиеся на поддержку самой высшей в стране Инстанции – ЦК ВКП(б) и его генерального секретаря товарища Сталина – не могли не породить ответной реакции тех, кто чтил Истину; не могли не вызвать к жизни Сопротивления. Но, увы, на самом деле реагировали одиночки, реагировали порознь, реагиро-

вали неумело. В романе расхрабрившийся студент крадет со стены портрет Лысенко и засовывает его головой вниз в унитаз. Я знаю из жизни случай, когда студент сельскохозяйственной академии С.Г.Мюге поднес цветы изгнанику с работы профессору-генетику (профессор перепугался, хотя и расчувствовался, а Мюге посадили "за антисоветскую агитацию"). Лично у меня реакция была сложнее и замедленнее. В сентябре 1948 я прочитал Стенограмму лысенковской сессии. Я не был биологом, был я первокурсником страшно далекого от биологии факультета, но моя мама, школьный преподаватель дарвинизма, просила помочь ей разобраться в новой программе. Свежий мальчишка, я сразу увидел фальшь, вранье, антинаучность в МЕТОДАХ БОРЬБЫ Т.Д.Лысенко. И мне потребовался год, чтобы осознать, откуда выpiresает Лысенко, чем он держится, осознать многие другие схожие явления тогдашней жизни, и 10 октября 1949 я подал заявление о выходе из комсомола, поскольку я не хотел делить ответственность за происходящее с правящей партией. Зло само порождало, неотвратимо порождало Сопротивление ему. Но и я, как и Сережа Мюге, были одиночками, воспринимали себя сами как одиночек. Так что правильно изобразил Дудинцев борьбу Дежкина - как единоборство.

Что еще есть в романе? Роман - поэту любовь. Дежкин любит. И его любят. Даже две женщины. Но эти три (а не четыре) любви не порабощают его душу. Они занимают то подчиненное место, которое и было отведено любви в веках, в рамках идеологии Борьбы и Долга. На первом месте у мужчины его Дело. Делом его когда-то была чистая Наука, теперь стала Борьба со злом за Науку. И это то, чем он живет. Если любовь не состыковывается с Делом, любви просто быть не может. Ох, и не игра и не блаженство эта любовь! Вот "дрозофилисты" в попытках разгадать намерения Торквемады "велят" миловидной Лене "пококетничать с ним" на манер Эсфири. Из этого "боевого задания" рождается искренняя любовь Дежкина и Лены. Прервана она будет только арестом Лены. Вот к Дежкину, собирающемуся уходить от слежки уже постановивших арестовать его органов, ломающему голову, как бы оторваться от них хоть на несколько часов, врывается с любовными изляниями студентка. И он усаживает её у телефона и велит ей имитировать его присутствие дома. Покамест он наберет нужные километры форы в бегах. Он уже должен бы понимать, что ждет эту дев-

чушку, КАК будут вымешать на ней свою ярость утерявшие следы. Она — и не догадывается. Ей — ей не объясняет. Она влюбленно повинуется, её восторгает предстоящая игра.

Игра... Жестокость... Недомыслие... Фронт... Лагерь... Себя самого приношу я в жертву — и ближних своих вместе с собой. Конечно, мог бы апостол Петр отказаться от проповеди христова учения, из-за которой не только он один, но и сотни тысяч других были распяты, пронзены стрелами, сожжены, брошены зверям на растерзание в колизеях неронами и диоклетиенами. Могли бы апостолы Петр и Павел "хотя бы женщин" пожалеть и не вовлекать в свое опасное сообщество — их же казнили на равных с мужчинами... Но служение Истине не позволяет придавать веса подобным соображениям. Так и Дежкин, рвущийся спасти научное открытие и победить в схватке с Ассикритовым, усаживает у телефона эту девчушку Женю.

А вот еще любовь: бывшая актриса Туманова любит подонка. И знает, что он — подонок, и помогает (где подсказкой, где весомо материально, вплоть до помощи заключенным) жертвам и противникам этого подонка. Но избавиться от его власти — не в состоянии. И в крупном — безоговорочно повинуется подонку, способствуя в подлых замыслах обокрасть и погубить Дежкина... Вот любовь еще одного сорта — искреннего, как Рубцов, поэта к соблазняемой им жене одного старика... Разные, и все судьбоносные. Ибо крепка, как смерть, любовь... И, наконец, вирши сменяются уже просто яйцекладом, который нетерпеливо вздыхают мушки-дрозофилы в пробирке, когда наступает их недолгий час,

...

Есть еще один мотив в романе, но пересказать его крайне трудно. Отчасти потому, что господствующая в стране философия исключает такое явление столь же категорично, как Лысенко исключал из жизни хромосомы и гены. Когда проживешь острую жизнь и уцелеешь, то, оглядываясь на прошлое, лучше видишь, через какие пропасти, по каким волоскам переползал ты; какие драконы и скорпионы обитали рядом с твоим ночлегом и как они проснулись вдогонку за тобой. И тогда начинаешь верить в Судьбу. Возникает ощущение, что это не ты лично действовал — это Кто-то вёл тебя за руку, поддерживал над пропастью, разбудил на ночлеге за полчаса раньше, чем ты намеревался. Кто-то посыпал

тебе предчувствия, вооружал умением, страховал везением... И вот Дудинцев непрестанно показывает нам, что не сам Дежкин поступал так умно, точно и предусмотрительно, а ОТДАЛЕННЫЙ ГОЛОС в груди его велел ему здесь — смолчать, здесь — произнести, здесь — скосить картофельную ботву, здесь — научиться бегать вопреки своей хромоте... Кабы слово это не было затащено и оболгано, не стало таким же жупелем, как некогда слово "мутация", я бы выговорил, что роман этот мистический. В этом, пожалуй, главное изменение автора сравнительно с "Не хлебом едим".

Я не буду, конечно, пересказывать детективных линий романа: ни эпизода с ревностью, заведшей далеко в сторону от любовных переживаний и выведшей на главное фабульное звено романа; ни эпизода с приездом иностранца-генетика; ни эпизода с обнаружением главного "героя невидимого фронта" Краснова; ни детектива с публикацией и семейной жизнью другого академика, Полоскова. Эти детективные загадки пусть читатель сам обнаруживает и предугадывает, куда они повернуться. Но вот будет ли читатель читать этот роман?

Недавно беседовал я с одним доктором наук, генетиком. Он прочитал "Зубра" и высоко ценил этот и вправду неплохой очерк. Он прекрасно понимает и всю жизнь понимал бредовость "мичуринского учения", как высокопарно именовалась лысенковская ахинея. Но вот "Белые одежды" он читать начал и бросил — не в силах справиться с литературным стилем романа. Да, манера письма может шокировать. Если в расстановке научных и нравственных позиций автор — "романтик", т.е. следует "идеальному" долгу, исходит из того, как НАДЛЕЖИТ поступать мужчине, то в описании быта, поведения, характеров и, главное, в диалогах, автор — реалист, доходящий до фотографирования.

Эпоха же была уродливой. Люди были уродливы. Они были вырваны из традиций — мировых, российских, сословных, семейных. Взметнувшие вихрем котлованов и коллективизаций, деформированные доносительством не одной лишь ежовщины, они только на фронте освобождались от криады, извращенно-казенного, истерично-фантастического. Только там простые и настоящие дела одновре-

менно становились серьезными и нужными всем. Но возвращаясь оттуда в царство шестипалой неправды, они не знали и не умели вписаться в атмосферу громыхающей лжи. В мир, в котором не было слов для обсуждения нормальных людских дел. И в целом, люди — мужчины и женщины — того послевоенного времени были осколками людей. Все мы были карикатурами на образ людской. Это после, сорок лет спустя, приобрели мы благообразие Андрея Битова. Тогда же мы были уродами. И любовь наша была карикатурна. И одежда — обносками. И формы общения — дефективными^{x)}. (кто этого ещё не знает, приглашается им всмотреться в кадры фильма А.Германа "Мой друг Иван Даничин".) И вот Дудинцев НЕ БОИТСЯ нарисовать уродливых, карикатурных, дефективных в чем-то персонажей — уродливыми, без противопоставления неуродливому, "настоящему человеку", ибо не существовало тогда таковых как социально-значимого явления. Не боится показать уродливую любовь главных и любимых своих героев — ибо мы не знали ни о культуреекса, ни о числе цветков в букете, не воспитывались в чуткости к настроениям, были безжалостны к "предрассудкам", и почти всё, что мы полагали в любви, сводилось к пресловутой формуле: "Умри, но не давай поцелуйя без любви!"^{xx)} Не боится^{x)} Я, конечно, не говорю про исключения, которым судьба либо сохранила, как некоему Иннокентию, шкаф с книгами интеллигентной матери, или которые сами несли свою вдовью судьбу-печальницу "внутренних эмигрантов", каковым словечком отхлестывали Пастернака.

^{x)} Отступление. Нравы в любви очень сильно следуют за ИЗОБРАЖЕНИЕМ любви в художественной литературе; это едва ли не главная область, где беллетристика всесильна. А КАК ИЗОБРАЖЛА тогдашняя литература любовь советских людей, видно хотя бы из следующей цитаты из рецензии 1952 года ("Вопросы философии", №5, стр.159): "Даже лучшие произведения советской литературы, к сожалению, не свободны от подобной односторонности. Писатель А.Рыбаков, в своем романе "Водители", обладающем несомненными достоинствами, как бы боится оставить своих героев (мужа и жену) наедине. Он внимательно следит за тем, чтобы они не "проговорились", не сказали чего-нибудь лишнего, т.е. "сугубо" личного, интимного. С этой целью в повествование вводится писателем третье лицо, призванное быть своего рода "регулятором" супружеских отношений и разговоров. Так, например, при беседе токаря Тимошина с его женой присутствует Максимов, при беседе Полякова с женой — Любимов. Там, где герои несколько отвлекаются в сторону интимных переживаний, писатель хладнокровно возвращает их к производственным проблемам. В романе есть такая сцена. К Тимошину приходит шофер Максимов. Максимов влюблен в /прод.след.стр/.

автор передавать мимо глубокие, но по сути бессодержательные (если иметь в виду их словесную, "всеобщую" формулировку, а не конкретно-ситуационные намеки) разговоры, ибо только в таких терминах — пустых, лишенных смысла и тех очертаний, которые привели бы к протокольной формулировке — дерзали мы "самородно" говорить, "мысля самостоятельно". Ведь едва лишь сбивались мы с торной дороги, вымощенной цитатами и сведениями всё из того же "Краткого курса", как нас в "философии" хватало на две-три фразы, полмысли, четверть мнения. Те из нас, у кого были сведущие бабушки или кто— по комсомольской иннициативе активности пролистывал литературу для безбожников, умели еще вставить кстати—некстати цитаты из Библии, в материалистической их интерпретации, конечно. А, может, их цитаты и образы были почерпнуты и не из самой Библии, а из завалышегося потрапанного с вырванными страницами томика Сенкевича "Камо грядеши?", мотивы которого очень слышны в "Белых одеждах", который и я прочитал примерно тогда же ^{X)}... Вот и намекают многозначительно друг другу персонажи на зло, маскирующееся добром, на "ключ", на парашютистов, забрасываемых из советских сел в советскую жизнь, и мямят тягомотину. Безумно трудная задача фотографирования паноптикума для художественного обозрения. Тем выше ценю я смелость писателя, не отступившего перед такой задачей. Иначе же писать нельзя было бы. Фальсификацией было бы вкладывать в уста персонажей 1948 года те относительно связные фор-

Прод.с пред.стр/. хорошую девушку Валю. Семейный уют и радущие Тимошиных приводят Максимова в мечтательное настроение. В мечтах своих он видит преображенную присутствием Вали комнату, её платья, висящие в шкафу рядом с его костюмами, белые занавески на окнах, зеркало, столик... И будто в укор Максимову за то, что он зашел в своих грехах слишком далеко, раздается отрезвляющий голос Тимошина:

— Интересно, что технорук из Москвы привезет?

Максимов тряхнул головой, точно страживая с себя оцепенение."

^{x)} Впрочем, в знакомстве с Библией все персонажи Дудинцева перебирают. Они помнят ее лучше и точнее, нежели советские (и даже антисоветские) люди сороковых годов. Этот "перебор" был бы ситуационно оправдан, окажись в числе любимых книг Тумановой "Куда идешь?", которую она давала бы своим гостям, т.е. полгороду. Не могу не выразить своей радости, что наконец-то в 1986 году эта книга у нас переиздана полумиллионным тиражом, хотя и под блеклым названием "Куда идешь?" Точно так же персонажи ~~еще~~ через чур хорошо знакомы с картинами Модильяни, которые, кажется, до 1956 не экспонировались советскому человеку.

мулировки, до коих додумался сам или которые почерпнул из циркулировавшей по рукам литературы в период застоя-молчания 20–30 лет спустя. Вполне понимаю я помянутого доктора наук, что оказался не в силах разглядывать таких персонажей, слушать их речения. Но неча на зеркало пенять, коли рожа была криза – сорок лет назад...

Там же, где дело идет не об изображении нашей "рости"-диалогов^{x)}, а об описании поступков, ситуаций, жестов, – там автор показывает себя настоящим мастером.^{xx)} Сцена ухода Дэлкина на лыжах, прислушивание его к встречным (не за ним ли следят), сцена разговора при свете электроплитки – да сколько таких картинок! – четки, немногословны, убедительны, зримы. Глубина понимания характеров, фактуры психики и того, что происходило на самом деле, может быть проиллюстрирована двумя примерами. Если бы иностранец, датчанин, не посидел бы сам в гитлеровском концлагере, он, конечно, не имел бы никаких предпосылок понять и разобраться в том, как его водят за нос ассистенты и ректоры; понять, что Дэлкин – на стороне Истины, хотя и произносит ему, датчанину, в лицо заведомую неправду. Другое. Выбор автором детективного жанра, детективной формы повествования не навеян манерой письма "Братьев Карамазовых" или желанием позабавить-поразвлечь читателя. Нет, он адекватен самим событиям. Ведь то, что совершают Академик и его присные

^{x)} То, что такая манера диалогов – художественный прием, а не неумение автора писать иначе, видно из того, что бабушка Лены, человек совсем иной эпохи и образования, разговаривает собственным языком, не только лексически, но и фигурами мышления, отличающимся от жаргона 1947–1952. Правда, язык академика Полоскова не соответствует ни возрасту, ни воспитанию этого персонажа. Увы, он изъясняется тем же корявым языком Дэлкина-Стригалаева-Свешникова.

^{xx)} Говоря о мастерстве, я имею в виду ТОЛЬКО основной текст романа. Эпилог – многословный, дидактический, композиционно рыхлый, изобилующий хронологическими и фабульными несоответствиями – должен быть отсечен. Не читайте его, пожалуйста, друзья автора! Точка в романе должна быть поставлена сценой попадания Дэлкина в московскую больницу – дальнейшее читатель домыслит сам. Надеюсь, что в издании "роман-газеты" эпилога не будет.

(включая поступки администрации института и фабрикацию дела следственными органами), криминально. Преступно по законам любой страны, в том числе и той, в которой они действуют. Именно потому они окружают свои деяния тайной – от ДСН и выше. И именно потому, описывая уголовную историю, мафию и борьбу с ней, следует прибегать к приемам Агаты Кристи и Жоржа Сименона. По закону единства формы и содержания.

Почему лично у Дудинцева появилось такое ясное понимание? Не знаю, но гипотезу имею. Вот он делился во время уже упомянутого обсуждения "Не хлебом единим" в МГУ:

После войны я служил в прокуратуре. З.../. В 1947, когда я летел на самолете, я попал в авиационную катстрофу и вместо Средней Азии оказался в Орске. Там я познакомился с двумя выскокоталантливыми людьми: один из них был геолог, попавший в Орск по распределению. Он должен был искать там охру. Но он решил искать там никелевую руду. /.../. Он нашел никель там, где по учебнику его не должно было быть. /.../ Он упорно искал то, что было необходимо государству. За свое открытие он боролся 12 лет. Его даже объявляли врагом народа. /.../"

Тот, кто прочел "Белые одежды", сразу вспомнит эпизод отрочества Дёжкина, момент трагической причастности Дёжкина к объявлению этого геолога врагом народа. Может быть, из своеевременного чувства покаяния прокурора, прикоснувшегося к героизму врагов народа, и родился Дудинцев – тот писатель мужественного долга и непреклонного служения Делу, которого мы знаем.

0000000000000000